

Документально - приключенческая повесть

Сегодня мы начинаем печатать небольшую повесть о трагической судьбе человека, не нашедшего правильного пути в жизни в условиях царского самодержавия. Вся свою ловкость и силу он подчинил узкой цели — борьбе с царской администрацией путем террора, в которой стал героем - одиночкой. И хотя дело его пользовалось поддержкой простого народа, чеченцев, ингушей, осетин, дагестанцев, видевших в «Зелимхановщине» продолжение борьбы горских народов против царского самодержавия, неправильный путь привел его к гибели.

Профессор Виноградов называл эту импозантную личность «Хаджи-Муратом XX столетия». Против одного человека посылались войска с пулеметами и артиллерией, а он преспокойно разгуливал по улицам городов, останавливал целые поезда, на узких тропах делал засаду регулярным войскам. Имя Зелимхана было широко известно на Северном Кавказе в начале XX столетии.

По Владикавказу, чистенькому, опрятному городку, пользующемуся большой популярностью у коммерсантов и отставных военных, по Владикавказу — центру Терской области и всего Терского казачьего войска плыл малиновый звон церковей и кафедрального собора. Звонили к обедне. Со стороны Назрановских ворот в город рысью въехал верховой в светлой черкеске тонкого сукна с золотыми погонями, в большой каракулевой папахе. На тонком, сырмятном пояске у него небрежно съехали на бок кинжал и револьвер в потертой кобуре. На повороте к городскому базару он так ударил по взмыленным бокам жеребца, что откуда-то вынырнувший полицейский чуть не попал в историю. Увернувшись, он схватился за свисток, оскорбленный тем, что какой-то азиат осмелел его перед всем околотком (в суматохе он не заметил офицерских погон).

Верховой подъехал к гулящему, многоязычному базару. На лавках и открытых возках встречался восток с западом. Почтительные немцы из Колонки торговали маслом и сметаной, осетины вынимали из кожаных мешков желтые круги овечьего сыра. Рядом с музыкальным магазином Пакетура, предлагавшим граммофоны новейших систем и пластинки с новейшими записями, в сбитой из фанеры клетушке, шипели

жаровни. Хозяин-грузин ловко подавал покупателям оловянные тарелки с люля-кебабом, мясом и присыпанные луком и зеленью шашлыки на упругих железных шампурах. Проглотив слюну, всадник подумал, что начальник области еще, должно быть, на службе в соборе, окликнул мальчишку-водоноса с медным чайником. Выпив теплой воды, заспешил к крепостной горке, на которой в плотном кольце фруктовых деревьев стоял дворец начальника Терской области и наказного атамана Терского казачьего войска — генерал-лейтенанта Флейшера.

Его превосходительство, высокий, еще не старый на вид человек, с седеющей, коротко подстриженной бородкой, совершал по саду послеобеденную прогулку, и недовольно поморщился, когда офицер для особых поручений доложил: - Офицер военного отряда поручик Кибиров!

Генерал, размышляющий о том, как неплохо получилось, что наместник, по старой дружбе, сделал его неограниченным правителем огромного по размерам края, где всегда много солнца, мягкий климат и удивительно чистый, ядреный воздух (он думал по-немецки и только слово «ядренный» сказал про себя по-русски), вынужден был пойти в кабинет.

Пыльный и красный от волнения и быстрой езды поручик, подождав, пока затихнут за дверью шаги адъютанта, выпалил: — Ваше превосходительство! Зелимхан, Зелимхан объявился!

По коридорам и комнатам дворца забежали дежурные ординарцы и адъютанты. Через некоторое время в кабинете наказного атамана собрался совет. Пригласили самых близких. Открыл совещание старший помощник начальника области генерал-майор Степанов, который по долгу службы держал в своих руках всю секретную переписку и агентурную деятельность по делу грозного чеченского абрека Зелимхана Гушмазукаева.

Поручик Кибиров, успевший умыться и выбить пыль из одежды, доложил: — Два дня назад к начальнику военного отряда генерал -майору Морганя явились три чеченца. Не назвав фамилий и имен, они за известное вознаграждение пообещали помочь поймать абрека, их кровника.

— Ваше превосходительство! - перебил поручика Степанов, обращаясь к Флейшеру, — позвольте уточнить, что так называемое «известное вознаграждение» выливается в крупную сумму — тысяч рублей золотом.

Наказной атаман вспомнил, как лет 5—7 назад не то в «Московских ведомостях», не то в «Голосе» он читал, что за поимку какого-то кавказского абрека назначена премия в 8 тысяч рублей. Протирая пенсне, он поинтересовался: не тот ли это абрек?

Степанов, как старший в чине, пояснил: 8 тысяч из правительственных сумм, потом прибавили 10 тысяч» собранных с туземцев области.

—Генерал-майор Морганя дал свое согласие, — продолжал Кибиров. — Я проводил закутаных в башлыки чеченцев за станицу и условился о следующей встрече у Маюртупского леса. В этом лесу по их данным и скрывается сейчас разбойник. Придавая особую важность сведениям, генерал лично послал меня доложить вашему превосходительству, — закончил поручик.

В тот же день по делу чеченского абрека Зелимхана Гушмазукоева были приняты чрезвычайные меры, державшиеся в строгом секрете. В Петербург на высочайшее имя, в военное министерство, в Тифлис наместнику кавказскому графу Воронцову-Дашкову

полетели из Владикавказа шифрованные телеграммы: «Агент уверяет, Бредихина (так называли в секретных документах Зелимхана) три дня назад видели на хуторе у сыновей Шахгерая. Ко встрече приняты меры».

Из Грозного, где размещался штаб военного отряда, поскакали в Наур, Ведено, Гудермес, Шали, Амир-Аджи-Юрт, где стояли на экзекуции конные сотни отряда, вестовые с приказами: «готовиться к экспедиции». Сотни солдат (в который раз) собирались пленить одного человека. Но Зелимхану и на этот раз повезло...

Флейшер уже покручивал от удовольствия усы. Без шума, без особых усилий ему удастся сделать дело, которое не смогли завершить за 14 лет его предшественники: ни гордый Колюбакин, ни выскочка из казаков Михеев. Ему больше всех попортил крови Зелимхан. А он, генерал-лейтенант Флейшер, еще и год не правящий Терской областью, столько сделал для успокоения края. Мысли генерала прервал телефонный звонок. Из жандармского управления сообщали неприятное известие: на грозненских нефтепромыслах забастовали рабочие. Части специального военного отряда были направлены в Грозный. Рабочие были страшнее для царской администрации, чем знаменитый абрек. Шестая сотня Дагестанского конного полка под командованием поручика Кибирова спешила в Грозный мимо Маюртупского леса. Поручик с угрюмым сожалением смотрел на проплывающие мимо деревья, в которых прятался разбойник. Кибиров не знал, что за конниками наблюдает из чащи пара внимательных глаз.

На небольшой лесной полянке, изумрудно-зеленой от молодой травы и недавнего короткого дождя, у небольшого родника, в шалаше, покрытом травой и листьями папоротника, полулежал человек невысокий, с короткой бородкой, с черными, спокойными глазами на загорелом волевом лице. Когда в чащобе хрустнула прошлогодняя сухая ветка, человек положил руку на винтовку. Солтамурад из Шали лор (лекарь) и верный друг приближался к шалашу с улыбкой. — Зелимхан, русские уходят, казаки уходят, дагестанцы тоже. Старая лиса Моргания уводит весь свой отряд. Спокойная жизнь для горцев настает, для тебя, Зелимхан!

Солтамурад даже станцевал от возбуждения лезгинку. Зелимхан говорил вслух: «Значит, поверили гяуры, что Зелимхан бросил аул, семью, родные горы и перебежал в Турцию». Ему вдруг стало обидно, что люди могли поверить его уходу за границу. Два года назад он сам об этом усиленно распространял слухи, и добился своего. Кавказские газеты успели подхватить эту новость к трубили на все лады о бегстве неуловимого абрека в Турцию. А Зелимхан лежал в шалаше, в Маюртупском лесу, сраженный неизвестной странной болезнью. Временами он даже не мог ходить, кружилась голова, днем одолевали кошмары. Солтамурад поил его устоями трав, становилось легче.

— Валлаби Лазун, биллай лазун, Солтамурад, недолго мне осталось смотреть по ночам на звезды. Когда горец не может держать в руках винтовку — это уже не горец.

«Неправду говоришь, Зелимхан: Скоро свезу тебя на хутор, ученого доктора из Грозного пригласим. Скажу на тебя, что родственник. Вылечим тебя с доктором. Я с хорошими людьми договорился, все для тебя сделают».

Не ведал Солтамурад, что люди, с которыми он договорился, уже продали Зелимхана за 18 тысяч золотом. И русские генералы, казацкие атаманы, чеченская знать согласились отдать большие деньги даже за больного Зелимхана — слишком он насолил им за эти четырнадцать лет.

ХАРАЧОЙ — небольшой чеченский аул, затерявшийся среди ущелий и гор Восточного Кавказа. Вокруг аула разбросаны сенокосы, узкие полоски с поспевающей кукурузой. На южном склоне горы Харачой, в зарослях шиповника и низкорослого терна, на небольшой поляне раскинулась пасека деда Бехо. Дед — подвижной старикашка, всегда что-то делающий.

То с ульями возится, то скошенную траву в стожки собирает. Ни одной минуты покоя. Не так, когда бывает в ауле. Там он целый день, сидя на лавочке у сакли, может строгать палочку, вырезать ножом на ней замысловатые узоры и рассказывать про Шамиля. Таких дней не много в году. Горцу нужно трудиться, много трудиться, чтобы заготовить на зиму сопетку с кукурузой, завялить мясо. Еще надо одеться, обуться. У сына Бехо Гушмазуко четыре сына — Хасий, Зелимхан, Солтамурад, Бийсултан. Уже черкески из хорошего сукна шить надо. А Веденский купец дерет даже за суконку три шкуры.

- У Зелимхана на спине бешмет промок от пота, пока взобрался к деду на пасеку. Пока Бехо долго и старательно жевал беззубыми деснами принесенный обед, внук почтительно смотрел в сторону. Самый уважаемый человек в ауле дедушка Бехо — Шамиля видел. В трех шагах от него имам стоял. Крутил нервно плетку в руках. Мюриды всех жителей Харачоя собрали на площадь к мечети. — В сторону русских смотрите, собаки. Святое дело погубить хотите. Не утерпели мужчины. — «Русские шпыки нам знакомы, сабли твоих мюридов тоже. Вольной жизни хотим, имам. Пахать, сено косить, для себя работать хотим».

Вся Чечня признала. Шамиля, а какой-то Харачой не признавал. Имам зло усмехнулся, сел на коня и ускакал. Харачоевцы думали, что заступился за них Аллах, пронес мимо гнев Шамиля. А через несколько дней вернулись в аул обратно мюриды. Самых почетных жителей побросали под плетень, и танцевать на них начали.

Так Шамиль отомстил непокорным харачоевцам. Немногие выжили. Бехо еле приполз домой. Кашлял кровью долго. Потом железный организм и целебные травы подняли его. И, слава Аллаху, до сих пор живет!

Дед закончил с обедом. Зелимхан стал быстро собирать в хурджин деревянные чашки. — Вижу, ты опять в крепость спешишь, чего туда зачистил? Уж не русскую ли невесту собираешься в дом привести? — пошутил Бехо — Ну, на, тебе пригодится.

Дед, баловавший своего второго внука, протянул ему серебряный рубль.

Поднимая тучи пыли по главной, почти единственной улице укрепления Ведено, пролетела почтовая тройка. Смирная пегая лошадка, тащившая медленно телегу, перепугавшись, так дернула с места, что казак, правивший клячей, от неожиданности вылетел на дорогу в желтую, щедро припудренную пылью, траву. А пегая кляча от страха вдруг вспомнила молодость: придавила под колесами зазевавшуюся курицу, зацепила маленько — больше испугала — солдата. У кабака она чуть не сбила с ног выходившего оттуда кавалерийского поручика. Тут испуганную кобылу и схватил под уздцы молодой чеченец.

— Ах ты стерва, падаль, паскуда, — кавалерийский поручик не смог от злобы подобрать ругательство покрепче. Его новенькая фуражка, которую он только что сегодня купил у крепостного шляпника, лежала в дорожной пыли. Поручик выхватил из ножен палаш. — На тебе, стерва, — он стал бить испуганную и дрожащую от боли лошадь.

— Ваше благородие, чай, животное не виновато, зачем трогаете, она и меня сбросила, — заступился подбежавший казак.

— Тебя не спрашивают, так молчать, а то и тебе, растрепан, достанется, — заорал офицер па казака. Но вдруг его глаза встретились с взглядом молодого чеченца. Тот, положив руку на рукоять кинжала, медленно продвигался в его сторону. Вид у него был свирепый. Кавалерийский поручик предпочел ретироваться обратно в кабак.

Через полчаса Зелимхан сидел в чистенькой уютной комнатке небольшой хаты, аккуратно обмазанной снаружи глиной, перемешанной с конским навозом. Хозяин хаты Степан Бухарцев, посматривая на собирающую к столу жену Степаниду, рассказывал новому знакомому о своем житие бытие. Разговор шел на чеченском

языке.

Зелимхан удивлялся: впервые встречался он с русским, который знает по-чеченски. Конечно, некоторые слова Степан произносит так, что Зелимхан улыбается в тонкие усы. Но друг друга они понимают.

— Хорошо ты говоришь по-нашему, Степан. Не как русские начальники, те только через переводчиков объясняются с горцами. Степан, польщенный похвалой, довольно гладит бороду. — Как не знать, дед мой еще при Ермолове пришел казаковать на Кавказ. Всю жизнь до седых волос протрубил, да и остался, поселился в станице, на берегу Терека. Если бы не рана, которую ему шамилевские мюриды оставили, долго бы прожил.

— Да, — согласился Зелимхан, — плохой был человек Шамиль, он и моего деда мучил. — И его глаза налились кровью от злобы.

Степан Бухарцев, еле затащивший к себе чеченца, который помог ему в стычке с офицером, велел Степаниде на радостях тащить к столу все припасы, оказавшиеся в доме. На столе появился графинчик с бузой, горка круго сваренных яиц, зелень, дымящийся хинкал. Из уважения к гостю, Степанида заняла у соседки два фунта баранины, хотя на прошлой неделе Степан с братом подстрелили в горах дикого кабана.

— Кунак, Зелимхан! Кунак, Степан! — то и дело слышалось за столом.

Не думал ни Зелимхан, ни Степан, что скоро им придется встретиться при других обстоятельствах.

Более полувека прошло с тех пор, как в кавказских горах упало зеленое знамя газавата, в легендарном Гунибе сдался русским войскам грозный 68-летний имам Шамиль. Вслед за ним последовал наиб Большой Чечни Талхик. Горцы прекратили вооруженное сопротивление двуглавному императорскому орлу. Лишь в 1864 году шейх Кунта – Хаджи, проповедующий мистическое учение «зикр» собрал в ауле Шали толпу вооруженных и возбужденных сектантов.

О популярности Зелимхана и интересе к его личности говорит эта почтовая открытка, на которой изображена его семья, влета в плен. Открытка была выпущена земской почтой в 1909 году.

Только что смолкли пушечные выстрелы затяжной кавказской войны. Простой народ, не раскусив сущности феодально-теократической державы Шамиля, все-таки считал его своим защитником. Время еще хранило недавнюю память о грозном имаме. Военное командование решило не церемониться.

Генерал князь Туманов с четырьмя легкими орудиями рассеял зикристов, и показал, что всякие новые выступления бесполезны.

В Петербурге успокоились. Купленная орденами, деньгами и чинами горская знать - устроила в 1871 году торжественную встречу в ауле Шали Александру II, наследнику цесаревичу и патриарху дома Романовых великому князю Михаилу Николаевичу.

Редкие выстрелы в горах не беспокоили царскую администрацию. Одиночки — чеченцы, ингуши, осетины, останавливали на больших дорогах купцов, богатых офицеров и чиновников. Разные причины загнали их в горы. Были среди них обыкновенные грабители, другие скрывались в лесах, отстаивая правду-матушку: обидеть богатого, помочь бедному. Они были далеки от политической борьбы с царской властью.

И тех и других вылавливали, расстреливали, ссылали в Сибирь. Но многонациональный Кавказский край лихорадило. Слишком много было для этого причин. И самая главная — острое безземелье. Лучшие земли дедов были отобраны, чеченцев натравливали на дагестанцев, осетин — на казаков. Иногда прибегали к открытому разбою.

Время поголовной вырубки лесов, как одной из мер борьбы с горцами, прошло. В

начале двадцатого века в аулах стояли небольшие эскадрильи, которые отбирали у жителей лишний скот, продукты, оружие. Масло в огонь подливали агенты из местного населения. В один из дней 1900 года прошел слух, что Чечня готовится к восстанию. Секретный агент доложил начальнику области: «Чеченцы скупают табуны лошадей и оружие». И начальникам эскадрильи был отдан приказ отбирать оружие и лишний скот.

После обеда, когда спала жара, эскадрилья 84-го пехотного Шевранского полка, подкреплённая казаками, под командованием сотника Федюшкина, отправилась в один из ближайших аулов проверить наличие скота. Ехали по балке, чтобы подойти незаметно и нагрянуть, как снег на голову.

Сотник Федюшкин, полный, с красным сытым лицом человек, курил длинную, толстую папиросу «последнюю новинку Осмоловской табачной фабрики, и лениво переговаривался со своим спутником — щуплым и горластым прапорщиком Константиновым. Говорили о картах, долгах, но каждый про себя ругал помощника начальника Веденского округа — князя Коралова, пославшего их в набег. Сегодня вечером у полкового лекаря собиралась пирушка. Обильный стол, вино и офицерские жены, которых можно шипнуть в темном коридоре, а после ужина перебраться в карточки.

Вместо этого офицерам предстояло отбирать вонючих животных. И Константинов и Федюшкин не выразили своего недовольства вслух, боясь, что дойдет до начальства. А вот поговорить о красоте княгини Кораловой — тут оба знали, этот интимный вопрос доложить князю неудобно.

— Не пойму я Анну Алексеевну, — говорил прапорщик, — и зачем ей понадобилось устраивать почти на свои средства школу для чеченских ребят? Этих абреков только кнутом можно перевоспитать. А потом хлопоты.

— Согласен с вами, Леонид Павлович. Так же не пойму, чем пленили они нашего прославленного поэта господина Лермонтова. Гордый, свободолюбивый народ, — сотник даже выругался. — Каждый из-под угла норовит кинжалом пырнуть. А при встрече в поле лебесит: господин офицер, твое мое не понимает.

— Ваше благородие, аульное стадо недалеко здесь, в лошине, — прервал беседу офицеров один из казаков.

— Гром победы раздавайся! — театрально пропел сотник. Он выхватил из ножен шашку и, рассмеявшись, вложил ее обратно. — Возьмем, прапорщик, без всякого шума. К которым животным предъявят свидетельства — отдадим, остальных погоним в крепость. Может, к концу вечера и успеем к Карлу Федотовичу.

Надежды офицеров не сбылись. Быстро завернув стадо по направлению к Ведено и послав пастуха в аул, отряд спешил и окружил мирно щипавших траву коней и коров. К вечеру по свидетельствам роздали только половину, и пришлось заночевать прямо в балочке па густой траве.

— Присмотрел я нынче, Леонид Павлович, жеребца, — признался сотник Федюшкин — Чую, что беспаспортный красавец. Кожа аж блестит, жилки все видны. Завтра на него пересяду, да и ты не теряйся, — посоветовал он Константинову.

— Эх, и практичная бестия, — завистливо подумал прапорщик, засыпая. — Да и мне надо выбрать завтра конягу. А они все как на подбор. — Бухарцев, — крикнул он в темноту, — смотрите в оба, а то эти азиаты из-под носа уведут.

Ночью поднялась стрельба, а утром не досчитались того самого красавца-жеребца, о котором мечтал сотник.

- Прямо нахально увели, - оправдывался караульный Бухарцев. - Заметили, когда только поскакали к лесу. - В крепости напишите объяснение, - зло бросил сотник. Он и не думал, что через полчаса забудет не только о ночном инциденте, но и даже о вечере у полкового лекаря.

— Кунак, Степан! - Кунак, Зелимхан! - Что делаешь здесь? — обрадовался Бухарцев, встретив утром Зелимхана. Тот сидел верхом на низкорослой лошадке и улыбался. Прошел год, как они не виделись. - Еду с пчельника, дед прошлой осенью умер, так отец сделал меня там хозяином, а сейчас в аул, чуреки взять.

У Бухарцева отлегло от сердца. Он думал, что Зелимхан заодно с этими смутьянами из аула. Уже битый час ходят по стаду, высматривают лошадей, а свидетельства не представляют, только ругаются по-чеченски. Бухарцев жалел их и становился злым, наблюдая за желтым диском солнца, которое нависло уже над головою. Как бы опять не пришлось заночевать, — тревожно думал он.

— Не трожь, — вдруг крикнул казак, заметив, как двое чеченцев начали выводить из табуна лошадь. — Предъявите документы, — поддержал Константинов.

Один из чеченцев ловко вскочил на коня и направился в сторону. Через несколько шагов казак преградил ему дорогу. Воспользовавшись небольшим замешательством, прапорщик выхватил у казака винтовку и прикладом сбил с седла чеченца.

- Алла, алла? — завопил от боли чеченец и замахнулся плеткой на офицера. Тот отскочил и выхватил револьвер. Выстрел нарушил утреннюю тишину, Раненый чеченец бросился с кинжалом на Бухарцева. Степан увернулся и вздрогнул, услышав, как рядом просвистела пуля. Это опять выстрелили в чеченца. А он, раненый дважды, все-таки успел достать кинжалом солдата Дмитриева, стеснительного и тихого деревенского парня, год как служащего на Кавказе.

Константинов разрядил в чеченца весь свой револьвер. Тот окровавленный лежал на траве, не выпуская из рук кинжала, и зевал в предсмертной агонии. А рядом стоял бледный, испуганный Дмитриев и, неловко зажав руками легкую рану на животе, стонал: - Братцы, нежели что, мамане, папане напишите.

К концу схватки подоспели милиционеры и старшина аула. — Для раненого найти подводу, убитого после следствия пускай забирают в аул, — распорядился откуда-то вынырнувший сотник. Степан Бухарцев успел заметить: когда раздалась выстрелы, сотник исчез за ближайшим курганом. — Нехорошо получилось, - обратился Степан к Зелимхану. Тот сидел в седле серьезный, с красными, злыми глазами, положив руку на костяную рукоять кинжала, как тогда, в Ведено, перед кавалерийским поручиком. Бухарцев испугался. «Слушай, кунак, уезжай домой от греха».

Зелимхан молча послушался, и, наблюдая, как тело убитого чеченца кладут на подводу, сказал: «Ты здесь не виноват, Степан».

Экзекуционный отряд с раненым солдатом и остатками скота не успевшего разбежаться от выстрелов в суматохе, возвращался не спеша в крепость. На повороте, где дорогу пересекала мутная горная речка, отряд догнал старшина аула.

— Скажите начальникам - офицерам, — взволнованно затараторил он по-чеченски Бухарцеву, — аульная молодежь обозлена случившимся и грозится устроить вам засаду.

Бухарцев перевел. Федюшкин выбросил начатую папиросу изо рта, выпятил картинно грудь: - Передайте этой аульной молодежи, что мы — императорские офицеры и у нас еще хватит патронов, даже если на нас нападут оборванцы из десяти аулов. (Сотник отлично знал: днем им ничего не грозит).

— На, закури, Леонид Павлович, не печалься, — обратился он к молчавшему всю дорогу Константинову.

— Ну, убили одного туземца, бог с ним, а если бы он тебя достал кинжалом?

— Я не потому молчу. Просто меня дрожь пробирает от злости к этим, детей которых княгиня Коралова еще обучать намерена.

— Поручик, неумело держа папиросу пальцами, старательно вложил ее в губы.

На поле, где произошла схватка, поднималась притоптанная людьми и животными трава. О случившемся напоминало только несколько револьверных гильз, пятна крови и окурки толстых и длинных папирос, последней новинки Осмоловской табачной фабрики.

Иван Ноздрин, уроженец Курской губернии — как было написано в его паспорте — иногородний станицы Архонской, привез во Владикавказ на мельницу Проханова шесть мешков хозяйской пшеницы.

Нужда загнала Ивана с женой и тремя детьми на Кавказ. Еле добрались в душных, пропитанных табаком и потом, вагонах до станции Беслан. Купил Иван на последние медяки в станционном буфете черствую булку детям, посадил семью в скверике и направился к большой, выложенной булыжником, площади.

Здесь его и повстречал архонский зажиточный казак Алексей Кулешов. Пошел Иван к нему батраком, на любые условия согласился — больше уже мочи не было смотреть на голодные, желто-зеленые лица ребятишек.

Поначалу хозяин присматривался к Ноздрину, жирную красную руку подаст во дворе, на стаканчик самогонки зазовет в хату, детям пирожков пошлет. На квартиру помог стать. И не заметил Иван, как навалили Кулешовы на него всю работу по дому. Хозяйство у них справное: десять коров немецкой породы, отара овец, земельный надел. Иван и скотину поит, кормит, и сено косит, жена помогает хозяйке хату обмазать, постирать. А денег не прибавляют. Пошел к хозяину: «Прибавь, Силыч, обносились, грешно в таких шпанах на улице появляться, всю деньгу на хлеб гоним, наголодались-то в Рассее».

- Проголодались? — Кулешов пьянствовал в горнице с соседом. Ивана не пригласил. Звать батрака за стол давно уже хозяин перестал. — Проголодались? — еще раз повторил он, откусывая с хрустом малосольный сочный огурец. — А здесь отъелись. Вот и иди к атаману жалуйся. Мол, казак Кулешов морит меня с голоду – вшивого курского мужика.

Ивана так и подмывало съездить за обиду по пьяной, глупо ухмыляющейся морде хозяина, но, вспомнив о семье, промолчал. Денег, конечно, Кулешов не прибавил, а работой загрузил еще больше. Раньше хоть на мельницу сам ездил с женой, а теперь и это на Ивана свалил.

У мельницы Проханова распряг Ноздрин лошадь, привязал к вербе, хотел снести мешки к входу. Передумал: уже очередь его подходила, как хлопнули в чистом утреннем воздухе винтовочные выстрелы, послышались топот коней, крики «алла! алла!».

Кто - то крикнул: «Басурмане, абреки грабют, ховайтесь, братцы, а то вмиг порешат».

Иван кое-как накинул хомут на коня, постромки. Перепуганный, прямо через ручей погнал лошадь. Наперерез два всадника в бурках, башлыки на самые глаза надвинуты. Один бац из нагана прямо в мешок, потекла из тугого мешка струйка пшеницы. Иван ни живой, ни мертвый сидит. Абреки на две телеги муку и пшеницу нагружают, другие замок на кассе внутри мельницы сбивают.

Мигом все обделали. Переехали через ручей. Какой-то в черной бурке с открытым

лицом подъезжает к Ивану, на плохом русском, языке говорит: - Хозяйский мука будет? Везет обратно?

Что-то своим полопотал. Подскочили несколько человек. Раз, раз и переложили на ивановскую подводу пять мешков с мукой. В черной бурке говорит; «Продай, казак, мука свой хозяин. И штаны новый покупай».

Засмеялся, стеганул саблей по заду ивановского коня и поскакал с товарищами.

Пришел в себя Ноздрин уже в станице. Подумал, подумал, сбросил у себя в сарае муку. Отмахнулся от жены. — Вечером расскажу.

Привез непомолотую пшеницу на двор к Кулешовым. Рассказал, как было дело, только про муку промолчал.

Алексей от радости, что пшеницу абреки не забрали, похвалил Ивана.

— Будь атаманом (он опять был пьян), я бы тебя. Иван, к медали представил, не посмотрел, что ты курский мужик безлошадный. А о прибавке даже не заикнулся.

Вечером, как стемнело, позвал Ноздрин своего квартирного хозяина. Поставил на столе бутылку с мутной аракой. Гришка Алексеев любил выпить Кулешов, когда отзывался о нем говорил: «Заливает Алексеев, твой квартирный атаман, а в хозяйстве две курицы, и те не несутся».

Григорий был не из зажиточных — это правда, но человеком считался честным, и Иван всегда бегал к нему советоваться.

Выпили по первой, закусили свежей квашенной капустой с луком. И рассказал Ноздрин хозяину про муку абреков: Может, говорит, пока не поздно, сдать ее в станичное правление? А то закуют в кандалы и — в Сибирь?».

Алексеев рассмеялся. — По манере грабить видать, что это Зелимхашка. Самый видный чеченский абрек. Бедных никогда не обидит. Сегодня казаки гутарили, что наткнулись они случайно на конную стражу у Осетинской слободки. Так абреки у некоторых домов все мешки побросали по дороге.

— Еще я тебе скажу. — Григорий нагнулся к Ивану и зашептал, обдавая самогонным перегаром. — В прошлом году весной на пахоте у моего свояка с Вознесенки абреки коней отобрали. Свояк в станицу идет, по дороге плачет, разорился, выходит, да еще одна лошадь соседская. Навстречу — офицер из азиатов, золотые погоны, оружие в серебре. Остановил свояка, узнал в чем дело, поцокал языком.

-Хорошо, казак, приходи завтра в балку, за станицу, — и поскакал. Является чуть свет в балку свояк, какой-то мальчишка-чеченец его коней держит. Передал ему и лопочет: «Зелимхан свой салам тебе передавал, своих друзей ругал много-много. Бедных грабить аллах не разрешает».

Григорий закончил свой рассказ. А ты, дура, боишься подарок чеченский взять. Тебя-то кто видел, когда во двор въезжал? Нет? Так нехай жинка завтра пироги напечет с капустой. И меня не забудьте пригласить. Если что, скажи, мука моя.

Иван только пожимал плечами.

—Я рожден в Чечне,
Мать певала мне:
Баю-бай, дитя,
Вырастай, цветя,
Как тюльпан.
Пусть поток-бегун,
Грохоток-Аргун,
Удальцов губя,

Не зальет тебя, Зелимхан.

О Зелимхане слагали песни. В Чечне, Ингушетии, Осетии, Дагестане. Слагал песни простой народ. А гимназисты, офицерские барышни сочиняли романтические песенки, разбавленные слащавостью.

Сам он полюбил простую чеченскую песню, где пелось:

Его мягкой постелью — черная земля...

Подушка его — чинаровые корни.

Одеяло его — голубое небо...

От голода кушает чинаровый лист

От жажды пьет росу...

И сейчас его брат, пятнадцатилетний парень, Бийсултан, напевает ее. Молчаливый Аюб Тамаев ремонтирует свой чувяки. Друг Саламбек Гасаоджев чистит ружье. Зелимхан сидит на пне столетнего дуба и диктует Солтамураду письмо.

— Как ты написал, Солтамурад? — «Любимому моему гостю Мусса Кунни мой салам». — Так пиши дальше.

Письмоводитель абрека аккуратно выводит на клочке бумаги карандашом арабские буквы: «Я от верных людей слышал, что ваш Дада, сын Аббаса Хубарова, дал слово начальству убить меня за большие деньги, и начальство дало ему берданку. Прошу вас дать мне знать, за что он меня хочет убить. Если ему нужно имущество и много серебра, я ему дам больше, чем они. Но если ему не нужно имущества, то пусть от меня держит себя подальше. Это лучше всякого богатства для него в этом мире».

Молчаливый. Аюб рассмеялся:

— Волла-ги! билла-ги! талла-ги! Золотые слова сказал ты, Зелимхан. Поручи мне это дело.

— Все знали свирепый нрав Аюба, не раз его останавливали от бессмысленных убийств. Ругал Аюба Зелимхан, когда бедняков из русских обижал. После, того, как приказал вернуть лошадей казаку из Вознесенской, тот обиделся, хотел уходить.

Ночью приехали они в хутор Цорх в дом к Габису Тассиеву. За молодым барашком разговорились за столом.

— Не дуйся на меня, Аюб, — начал мириться Зелимхан.

— Простой народ ни тебе, ни мне плохого не делал. Месяц назад встретил я в горах гуляющих казаков с их бабами. Пальцем никого не тронул. А в Ведено был у меня даже кунак — Степан.

— Шейхи и муллы говорят, что неверных собак нужно уничтожать, — не сдавался Аюб. Зелимхан презрительно сплюнул:

—Кадий Абас Аугаходжиев знает и шариат, и тарикат, и даже хакикят, а хуже собаки я не встречал. Если еще скажут мне, что он побежал лизать пятки начальникам и атаманам, чтоб продать нас, — убью.

—Тебе, Зелимхан, надо с кадием дружить, — почтительно вмешался в разговор Габис.

— Тот, кто готовится стать всемогущим имамом Чечни — продолжал льстиво Габис, — должен иметь, поддержку сильных и богатых. Зелимхану нравилось, когда ему

напоминали про имамство. Но никаким имамом он не собирался быть. Этот слух усиленно распространяли газеты. В них писалось, что по Чечне и Ингушетии бродят турецкие эмиссары и будто сам турецкий султан обещает Зелимхана сделать имамом, если он поднимет восстание на Кавказе. Абрек в душе смеялся над глупыми доводами газет. Ему было неизвестно, что эти слухи распространялись из дворца наместника в Тифлисе. Когда слух о знаменитом абреке дошел до Петербурга, Николай II с раздражением заметил Воронцову-Дашкову: - Помилуйте, граф, какого-то кавказского разбойника вы не можете поймать с полком солдат? А что будет, если их объявится десять?

— Но, ваше величество, мы сохраним в Терской области войска не только по этому случаю.

Царь был зол. Вчера, 14 августа, на даче Столыпина покушались бомбой на жизнь первого министра. Правда, Столыпин остался цел и невредим. Погибло всего несколько человек, в том числе любимец Николая — изобретатель блиндированного автомобиля — князь Накашидзе.

— Так что, Илларион Иванович, я вам рекомендую продумать это, как возвратитесь в Тифлис, — сказал царь и демонстративно направился к другой группе придворных.

И в Тифлисе продумали: разбойника представили агентом султанской Турции. А так как в ту пору на русско-турецкой границе было беспокойно, слухи приняли за чистую монету.

— Баркалла, — сказал хозяину Зелимхан, насытившись нежным вкусным мясом. Габис, зная осторожность абрека, провел его в комнату, окно которой выходило в сторону реки.

— Спи спокойно, Зелимхан, о сыновьями буду на карауле стоять, никто не подойдет.

Зелимхан лежал на толстом ковре, по привычке одетым, с винтовкой и револьвером под подушкой. В маленькое окно смотрели звезды. У реки шумели сухие камыши. Было тихо и спокойно. За окном только топтался Габис с сыновьями...

Где-то раздался тонкий свист, потом еще один, слышались голоса. В комнату вбежал запыхавшийся Габис.

— Зелимхан, Аюб, солдаты окружают саклю, весь аул набит войсками. Бегите через окно, там, в заборе, лаз, и река близко. А я с сыновьями задержу их здесь.

Ротмистр Долидзе обложил саклю Гассиевых тройным кольцом,

— Сдавайтесь, — кричали казаки и партизаны хозяевам.

Из окна грянул выстрел. Долидзе скомандовал: — Огонь! - Пули легко прошивали саманные стены. Из сакли неслись стоны. На сарае запылала солома, густой столб дыма понес в начинающее светлеть небо, крупные искры.

После часовой перестрелки все было кончено. Трое сыновей Габиса были убиты, жена сына и двухлетний внук — ранены. Сам Габис лежал на ковре в луже крови, пуля попала ему в живот, Долидзе нагнулся над ним:

— Где Зелимхан? Он вытащил из кобуры револьвер.

— Уже далеко, — спокойно ответил Габис и устало прикрыл глаза.

О двухэтажном особняке а тихой Сергиевской улице Владикавказа, где помещалась редакция и типографии правительственной газеты «Терские ведомости», был час перерыва.

Сотрудники, побросав на столах гранки и недочитанные рукописи, разбрелись по недорогим кабачкам и обжоркам. Только секретарь редакции Леночка Бесолова, бравшая по обыкновению из дома бутерброды, беспокойно поглядывала на обитую черной кожей

дверь редакторского кабинета, за которой 20 минут назад скрылся чиновник для особых поручений при начальнике области коллежский советник Яков Данилов.

Данилов, слышавший во Владикавказском обществе прекрасным танцором и сердцеедом, несколько раз танцевал с Леночкой в собрании. И ей было бы очень неприятно, если бы редактору вдруг по надобности вздумалось вызвать ее звонком.

А за дверью шел неторопливый разговор. Редактор неофициальной части «Герских ведомостей» Николай Петрович Волков, удобно развалившись в мягком кресле, прищурился умные с хитринкой глаза, слушал своего собеседника.

Данилов в мундире и при всех регалиях, пощипывая тонкие усики, назидательным тоном, каким подобает говорить человеку окружения генерала Михеева, вел важную беседу.

— Слава богу, кажется, миновали смутные годы. Но, судя по вашей газете, еще кое-где постреливают, бунтуют. Его превосходительство остался очень недоволен некоторыми вашими сенсационными заметками об убийстве варшавского губернатора и о волнениях рабочих на заводе «Алагир».

— Но о печальной истории в Варшаве сообщило телеграфное агентство.

— Уважаемый Николай Петрович, что возможно печатать в Москве и Петербурге, то едва ли подходит к нашему краю. Так, по крайней мере, думает генерал. Вы же правительственная газета, а не какой-то казаровский «Терек», который штрафуют через номер.

— Да, но, — начал было Волков.

Данилов не дал ему досказать фразу и продолжил:

— Теперь проблема Зелимхана. Значение его, как это ни грустно, очень велико. Он завоевал умы и настроения народа, пользуется репутацией народного героя, даже среди некоторой части русского населения. Было время, когда Зелимхан не поднимался выше Гороводжевых, Томаевых, Хасуевых, Зубаировых и прочих разбойников, а сейчас о нем распевают песни, и связывают с его именем свои несбыточные мечты. Нужно срочно сделать его злостным бандитом. Поменьше кавказской романтики, побольше черной правды. Имейте в виду, Николай Петрович, я передаю вам слова начальника области.

Налив в стакан воды из изящного графина под хрусталь, коллежский советник продолжал:

— При ограблении керосиновой лавки Нитабуха убили чиновника. И хорошо, что репортер догадался связать это с Зелимханом. Или вот, — Данилов подвинул к себе комплект «Герских ведомостей», — покушение в Сунже на казака. Было бы неплохо, если и прошлогоднее загадочное убийство у кладок командира Апшеронского полка Рахманина приписать разбойнику. Полковник пользовался уважением.

— А не придаст ли это Зелимхану лишней популярности? — все же перебил Данилова редактор.

— Напротив, только увеличит злобу.

На стене, над камином, пробили веселый марш большие круглые часы. Волкову надоели поучительные речи этого молодящегося хлыща и, воспользовавшись минутным замешательством, он позвонил секретарю.

— Принесите, пожалуйста, гранки местной хроники, — вежливо попросил он Леночку.

Улыбнувшись девушке, Данилов привстал:

— Да что это, Елена Михайловна, на вас лица нет?

Бледная, с красными пятнами на щеках секретарь положила на стол Волкову смятый лист бумаги.

— Только сейчас какой-то человек принес. Смотрю на него и думаю, где-то его я видела, а когда ушел, вдруг вспомнила открытку с портретом Зелимхана.

— Что! — выпрыгнул из кресла, как ужаленный, Данилов, — покажите.

В записке было всего несколько полуграмотных русских фраз, нацарапанных карандашом.

Вдвоем с Волковым коллежский советник разобрал несложный текст: «Самому главному начальнику газеты. Пишет тебе Зелимхан. Зачем неправду пишешь. Керосиновый лавка не грабил, чиновника не убивал, женщин не пугал. Казака стрелял, он мой брата дом поджигал. Темнота помешал, поэтому промахнулся. Будешь дальше брехать, начальник, резить делать буду. Клянусь Аллахом!»

- Где этот бандит? – бросился к окну Данилов. Ветви кашгана мешали ему видеть хорошо улицу. Он грузно прилег на подоконник.

В конце Сергиевской, у Ольгинкой женской гимназии, ехал всадник. От базара показался еще один. А у дома с гранитными спящими львами на крыльце мальчишки дразнили пьяного чиновника. «Коллежский регистратор, китайский император», — звонко кричали они, прячась за спокойными львами.

— Скорее телефон, в полицию, на заставы, сообщить! — повернулся он к Волкову. Тот, меряя крупными шагами кабинет, нервно раскуривал сигару: «К сожалению, еще не провели».

— Уже поздно, — вмешалась Леночка.

— Поздно, поздно, а кто вино ват? — Данилов направился к двери.

— Яков Адамович, — остановил его редактор. — Как же быть с записочкой?

— Напечатайте ее, черт возьми. Наши время для разговоров. Давайте сюда.

Возвращающиеся с перерыва репортеры с удивлением наблюдали, как выскочил из редакции всегда спокойный и важный чиновник для особых поручений. Всадников на булыжной мостовой уже не было. Только мальчишки продолжали кричать: «Коллежский регистратор, китайский император!»

Данилов, оглянувшись, направился к пьяному: «Интересно, какого ведомства этот тип?».

- Сейчас отыграется за Зелимхана, в общем, считай погиб человек, выгонит со службы, — сказала Леночка.

Волков, наблюдавший эту сцену в окно, повернулся к секретарю и тихо спросил:

— А вы не ошиблись, Елена Михайловна, был ли это Зелимхан?

— Нет, Николай Петрович, я хорошо запомнила его портрет.

Как только за горы упало солнце и снежные вершины начали таять в вечернем воздухе, на Александровском проспекте зажгли керосиновые фонари. С Дарьяла тянуло бодрым, освежающим холодком, и гуляющие по бульвару дамы стали кутаться в шелковые накидки и шарфы.

В цирке Малюгина во Владикавказе давали представление. Яркие, громадные афиши возвещали, что сегодня бенефис осетинского борца Казбек-Гора. С ним в парке борются Ван Ротен, великан Мохов и японец Ону.

Два горца остановились у деревянной будки кассы. На плечах одного блестели погоны прапорщика, на другом были красные погоны урядника Терской милиции.

Офицер обратился к уряднику: «Давай, Магомет, на сильных людей посмотри».

Тот, что в погонах урядника, ответил: «Смел ты, Зелимхан, а вдруг на знакомого напоремся, из цирка уйти будет трудно».

Но товарищ упрямо настаивал. Магомет знал, если Зелимхан решит — спорить бесполезно.

Расположились они на верхнем ярусе, поближе к выходу. Дубовый столб, подпиравший купол цирка, мешал им хорошо видеть арену, посыпанную опилками.

Зелимхан осмотрелся. Вокруг сидели, с нетерпением ожидая представления, солдаты-апшеронцы, отпущенные в увольнение во главе с седоусым пожилым унтер-офицером. Он один сидел, насупившись, неодобрительно поглядывая, как солдатня игриво задевает девчонку с лентами в косах, видно прислугу из богатого дома.

— Хотя бы офицера постеснялись, — шипел он солдатам, показывая на Зелимхана, — он хочь и азиат, а все же офицер.

А с первых рядов слепило глаза золото офицерских эполет, море фальшивых и настоящих бриллиантов на безукоризненных туалетах дам.

Представление открыл клоун, потом пара девиц раскачивалась под музыку на трапеции. Заросший, как медведь, человек стрелял, из огромного пистолета в ящик, в котором сидела женщина.

Новое появление клоуна встретили хохотом. На голове его красовалась дырявая кастрюля, на ногах охотничьи сапоги, на животе болтался непомерных размеров деревянный кинжал.

— Я спою вам песенку, господа. Не осудьте за пропитый голос, — под хохот клоун махнул оркестру.

Спев пару куплетов, он подбежал к барьеру» уставился на первые ряды и продолжал:

«В этой ложе
Я вижу чью-то рожу,
Это, видно, Зелимхан ..»

Зелимхан вздрогнул, покосился на сразу побледневшее лицо Магомета. В цирке ахнули, заволновались. Довольный произведенным эффектом, клоун объявил следующий номер. А солдаты успокаивали перепуганную девицу с лентами. — Ну, что вы, барышня, этот разбойник последнее время из гор на вылазает, — заявил авторитетно унтер-офицер. — Вот и их благородие могут подтвердить, — обратился он к Зелимхану. Тот спокойно улыбнулся девушке.

Когда на арену вышли борцы, Зелимхан разошелся, как ребенок. - Ай-ай, какие силачи! Увидев громадную фигуру бенефицианта Казбека-Гору — Бола Канукова, он зашептал на ухо Магомету: — Такого бы мне молодца!

И потом с восхищением наблюдал, как двухметровый богатырь длинными руками хватал противников и прижимал к коврику. Судья только успевал объявлять: «Ван Ротен положен в партере приемом бра-руле. Мохов — гицлер-грифом».

С Ону великан возился минут пять. После того, как положил его, подбежал к судье и начал, размахивая руками, что-то объяснять ему. Судья подозвал Ону, потом обратился к публике:

— Оказывается, господа, Казбек-Гора не смог так долго положить Ону, так как последний обмазал свою грудь жиром. Ону объясняет, что сделал это из-за хронического ревматизма, который его мучает ряд лет.

С верхних рядов заулюлюкали и засвистели. Зелимхан, понявший в чем дело, качал головой: - Нечестный борьба, ах хитрый япошка.

В летнюю короткую ночь пришел пешком из Владикавказа в Алагир, где скрывался Зелимхан, человек.

— Как там, в Чечне? — встретил его абрек.

— Приехал в город на базар. Мне говорят, иди к Зелимхану в Алагир, дело есть.

Они присели на траве под старой мшистой грушей. Посланец рассказывал:

— Двое русских людей приехали из Ростова, с тобой встречу хотят иметь. Молодые,

безусые

парни. Зелимхан сначала насторожился, не ловушку ли новую ему подстраивают? Хотел отказаться от встречи, потом передумал.

Шестьдесят лет тому назад, в трех верстах от столицы Терской области Владикавказа, стояла на правом берегу Терека полуразрушенная мельница, некогда принадлежавшая богатому осетинскому мукомолу. Здесь и решил встретиться Зелимхан с двумя русскими студентами из Ростова.

Сам с Магометом внимательно осмотрел заросли терна и облепихи - нет ли засады. Из кустов выпрыгивали перепуганные, да давали стрекоча жирные зайцы. Успокоившись, абреки прокрались на мельницу,

В комнате с занавешенными окнами чадила керосиновая лампа — трехлинейка. В неярком свете насторожились две фигуры.

— Салям аллейкум! — Здравствуйте, — ответили фигуры. Один из студентов облегченно опустил в карман пальто небольшую самодельную бомбу. Магомет переводил. Зелимхан не все разбирал, когда говорили по-русски быстро.

Федора Бугай — коренастого, с руками-оглоблями, пришитыми нескладно к его соответствующей фамилии фигуре, и Василия Распутина, невысокого чахоточного человека, которому всегда и везде задавали один и тот же глупый вопрос: «Не родственник ли он известному авантюристу Гришке Распутину», — прислал во Владикавказ найти Зелимхана Ростовский комитет анархистов. Они смотрели на невысокого, с аккуратно подстриженной бородкой горца, и недоверчиво спрашивали: — Ты убил царских тиранов полковника Добровольского, полковника Галаева. Как это сделал, расскажи?

Зелимхан начинал злиться бесконечным расспросам гостей, но старался говорить как можно вежливее. — Написал бумагу, чтоб не мучили невинных людей. Еще раз написал. Третий раз написал. Полковники молчали. Тогда пришел к их домам и...

**Г-та «Молодой коммунист» (орган Северо-Осетинского Обкома ВЛКСМ)
апрель 1963 г. №№ 30 - 41**

ГОРНЫМИ ТРОПАМИ .

Приключенческая повесть «Последние дни Зелимхана» написана по ранее неизвестным архивным документам. Несколько отрывков из нее печаталось на страницах нашей газеты. Встретившись с людьми, знавшими Зелимхана, с его дочерьми, бывшими сподвижниками, автор учел их замечания и советы.

Сегодня мы печатаем главу из доработанного варианта повести.

Декабрьским холодным вечером у князя Коралова были в гостях поручик Константинов и подьесаул Агей Федюшкин. Отужинав, офицеры перебрались из гостиной в кабинет хозяина. Играли в карты, тянули сладковатый, добрый чихирь, болтали с княгиней Анной Алексеевной. Разговорились про Зелимхана.

— Ушел, подлец, от Котиева, как ни искали следов даже не осталось. — рассказывал поручик. Княгиня тяжело вздыхала

Федюшкин со злобой добавил: «Окружили его имя ореолом святости, гимназистки, стишки о нем пописывают. Земская почта открытки с портретами выпускает. Говорят, что в то время как мы его разыскиваем, Зелимхан прогуливается по городам в офицерских погонах, участвует в карнавалах». Федюшкин по казачьей привычке хотел от возмущения сплюнуть на расстеленный, на полу большой персидский ковер, но вовремя спохватился и продолжал: «А он же, Зелимхашка, стервец, и по-русски то пары слов чисто не скажет в балах участвует! Пастух. Простой чеченец со свирепой мордой, тьфу!»

— Вы так описываете его, будто встречались, — заговорила княгиня.

— В моей сотне казакует Степка Бухарцев, он знал абрека хорошо, спирт, говорит, глушит ведрами, только вином подкрашенный, — не удержался, чтобы не приврать подьесаул.

Поручик Константинов только поморщился от его слов.

— Как, ваше сиятельство, — обратился он к Коралову: — накажем господина подьесаула за разговоры...

— Нет, отчего же, меня в этом пастухе и поденщике-каменщике, — процедил хозяин дома, — удивляет знание военной науки, всякие рейды, марши, переходы.

— А как популярность заимел, — продолжал Федюшкин, не заметив открытой насмешки, — в мечетях молится при стариках. Если уж я такой разбойник, пусть первая пуля сразит меня в угоду Аллаху. А горцы после очередного его разбоя говорят: святой человек Зелимхан, не берут его пули врагов.

В 12-м часу ночи начальника Веденского округа неожиданно позвали к телефону. Спустя некоторое время Коралов возвратился весь сияющий, с загадочной улыбкой.

— Господа, прошу по казармам, все части немедленно поднять в ружье, будет интересное дело, — потирая руки, Коралов добавил: — Командовать отрядом буду я.

— И кому это приспичило поздно ночью беспокоить людей? — рассердилась княгиня.

— Пока дойдем, начнется утро, — собирая караты успокоил Федюшкин. Как только офицеры ушли, Коралов заявил взволнованной супруге:

— Зелимхану теперь конец. Агенты обнаружили его местопребывание, сидит, как волк, в пещере у аула Харачой.

— Конец, конец, — передразнила мужа княгиня, — сколько раз вы его ловили, убивали, арестовывали, а он все жив и на свободе вас, дураков, за нос водит.

Коралов не обиделся на сказанное женой. — Теперь уже недолго осталось ходить», — пообещал князь, пристегивая к ремню револьвер и саблю.

Под утро харачоевцев разбудил конский топот, стук многочисленных подвод и лязганье оружия. Сонные люди поднимались на крыши саклей, смотрели в подслеповатые оконца. По кривым улочкам аула шли войска, на сытых конях ехали драгуны, казаки, всадники — дагестанцы, партизанские командиры из ингушей, чеченов, татар. На подводах и арбах везли пулеметы. Когда рассвело, в сторону гор прогремели четыре упряжки с легкими полевыми орудиями.

Князь Коралов поднес к глазам бинокли. В утренней дымке лежала заснеженная

вершина Харачой. Ниже, почти на уровне леса, на южном склоне горы, виднелось еле заметное черное пятнышко.

Подъесаул Федюшкин в теплой шубе, подбитой медвежьим мехом, в пушистой белой папахе, подъехав к Коралову, доложил: — Пещера окружена со всех сторон. Вход в нее заложен саманом и камнями, окрашенными под цвет скалы. Разбойник, по всем данным, скрывается там. Разрешите начинать атаку?

К пещере, прилепившейся почти к отвесной скале, вела узкая обледенелая тропинка. С трех сторон ее окружала пропасть. Прапорщик стражи Гамиев несколько раз крикнул разбойнику — сдаться без боя. Из пещеры никто не отвечал. Тогда по обледенелому скату вверх поползли солдаты и кровники Зелимхана из чечен и ингушей. Люди с трудом цеплялись за мерзлые выемки, за прошлогоднюю жухлую траву, срывались, катились вниз по тропе, сбивали остальных.

Кавказцы, более привычные к горам, были недалеко от входа, когда из узкой бойницы, выдолбленной в скале, раздался резкий и мелодичный выстрел. Зелимхан стрелял редко и наверняка. Партизаны и солдаты, потеряв надежду подняться по тропе, попробовали с вершины набросать к входу сухих веток, чтобы потом поджечь и под дымовой завесой подобраться к ней. Но обледенелые скаты не держали хворост — он скользил в пропасть.

Во второй половине дня Коралов отдал приказ открыть огонь из пулеметов и поднять на гребень пушки. Ещё через час началась новая атака. И опять из пещеры запели мелодичные выстрелы винтовки **абрека**. Князь Коралов забеспокоился. Приближались быстрые зимние сумерки, люди целый день не ели. Курящим было легче, те курили сигарки и накурились до головокружения. Подъесаул Федюшкин отшвырнул пустую коробку из-под папирос, уже вторую, подполз к группе казаков, попросил махорки. Степан Бухарцев протянул подъесаулу кисет. Его сосед, воспользовавшись, спросил офицера: — Заночуем, наверное, ваше благородие?

Федюшкин, свертывая козью ножку, кивнул на Степана и буркнул: — А вот спроси у его дружка. Бухарцев весело улыбнулся: «Дружок! Я уже за этим дружком гоняюсь несколько лет, один раз даже поцеловался с абречьей пулей, пролежал в лазарете несколько месяцев, в общем, слава богу, выкарабкался».

Артиллеристы обещали поднять орудия только к утру, и, расставив вокруг пещеры караулы, обозленный Коралов с адъютантом поехал ночевать в аул. Федюшкин остался за старшего.

В укрытиях запылали костры. Люди набивали котелки снегом, и пили без сахара и хлеба кипяченую воду. Изредка кто-нибудь для проверки открывал огонь по пещере, и сейчас же оттуда раздавались ответные выстрелы, долго отдававшие эхом в ночных горах.

Уже около шести часов утра Бухарцева назначили в караул с двумя солдатами. Расположились за валуном, подстелили солому. Солдаты, чтобы не заснуть, вспоминали японскую войну, бои под Порт-Артуром. — Чудно как-то. Засел в пещере, обложенный тысячью человек, молчит, переговоры вести не хочет. На что япошка лютей был, а и то порой высунет голову из окопа и кричит: «Здорово, братцы! Хлеб ешт?» Мы ему в ответ: «Табак есть?» «Ешт, ешт, айда на середина меняться». Иногда для смеха выстрелишь, а япошка с той стороны: «Чего, шкатица, штреляешь?!». Солдаты за животы хватаются, катаются по окопу.

Бухарцев с интересом прислушивался к разговору. В морозном воздухе уже слышны были слабые крики петухов из аула. — Может, горячего к утру подбросят, — мечтательно

сказал младший из солдат, — у меня со вчерашнего дня

в животе бурчит.

Вдруг Степан вздрогнул — прямо на них из серой мглы шел человек в полушубке, папахе, с винтовкой в руках, что-то знакомое было Степану в его походке. — Стой, кто идет? — солдаты щелкнули затворами. Человек остановился метрах в пяти, обернулся. — Свой, зелимхановская кровник, намаз надо делать у речки, — ответил на ломаном русском языке человек. Старший из солдат махнул рукой: «А, это чечен партизанской команды молиться идет, такой уж у них, мусульман, закон где захватило время, там и становись на колени».

Бухарцев хотел подойти поближе к чечену спросить удостоверение о благонадежности (все партизаны имели их), потом решил: черт с ним, пускай топают. Утро наступило неожиданно. Пошел снег. Крупные хлопья таяли в золе притушенных костров. Неприятно щекотали людей за шиворотом. Солдаты потирали озябшие руки, подпрыгивали, чтобы согреться.

Князь Коралов, окруженный репортерами и фотографами, успевший перекусить в сакле у харачоевского старшины, бодро отдал приказ переговорить с абреком, прежде чем начать бомбардировку пещеры. Трое чеченцев-партизан осторожно ползли по обледенелой тропе, прицепив к сабле носовой платок. Вот уже подобралась к самому входу, вошли в пещеру. Тот, кто был с платком, быстро возвратился обратно. Бывшие в передних цепях услышали его крик: «Зелимхана здесь нет».

Князь видел всю сцену в бинокль и хотя не мог слышать крика чеченца, понял в чем дело. Бледный, он повернулся к адъютанту. Так его мать! — без стеснения выругался князь громко. — Ушел опять разбойник. Проспали, болваны! — В эту минуту ему было не так жалко, что ушел абрек, как-то, что рухнула мечта, а с нею повышение в чине, награда, слава. А он-то побеспокоился даже вызвать газетных писак и фотографов, поспешил дать телеграмму наместнику. Передайте этому жирному идиоту Федюшкину, чтобы организовал немедленно погоню, — злобно крикнул он адъютанту.

Солдаты и казаки недоверчиво осматривали пещеру после чеченцев. На каменном полу валялась горка остывших гильз. В углу лежал медный чайник, котел, пол-ляжки вяленой баранины. Федюшкин, возглавляющий осмотр, язвительно обратился к Бухарцеву: «Как в гостинице, жил твой кунак, спирта только не хватало». Разозлившийся Степан хотел ответить подьесаулу, но страшная догадка заставила его вздрогнуть. Он вспомнил сегодняшнего «зелимхановского кровника», шедшего совершить намаз. С тревогой посмотрел на солдат, бывших с ним в карауле. Но те деловито тащили из пещеры котел.

— А ты чего, казак, уставился? — крикнул старший, — хватай чайник, жратву привезли.

Еще через некоторое время несколько снарядов разнесли в щепки опустевшую пещеру Харачоевской горы. И как раз в это же время в своем тифлисском дворце наместник Кавказа граф Воронцов-Дашков читал телеграмму Коралова: «Спешу доложить вам, ваше высокопревосходительство, в горах у аула Харачой пойман разбойник Зелимхан Гушмазукоев».

«Слава богу, — перекрестился граф. — Надо немедленно доложить его императорскому величеству».

**Г-та «Молодой коммунист» (орган Северо-Осетинского Обкома ВЛКСМ)
апрель 1965 г. № 18**